Слёзы Турана -25: Дервиш ищет Ягмура

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 24 января, 2025
Слёзы Турана -25: Дервиш ищет Ягмура ДЕРВИШ ИЩЕТ ЯГМУРА

Весть о новом наступлении султана Санджара взбудоражила жилища огузов. Спешно заготавливались тюркские верблюды, шились дорожные мешки из огромных кож. Сушилось просо, овощи и фрукты, делались дорожные запасы ковурмы.
Огузы не рвались к войне. И тем временем, пока народ готовился в далекие кочевья, навстречу противнику были высланы послы. В роскошном золотом шатре, окруженный дворцовой челядью, султан принял посланцев трудолюбивых огузов.
«Мы, верные слуги были постоянно покорны и не нарушали твоего повеления, – звучало в искренних речах огузов. – Мы сражались с Кумачом только тогда, когда он хотел напасть на наши жилища. Мы защищали своих жен и добро. И если гнев будет сменен на милость, то мы поднесем тебе, султан, 50 тысяч верблюдов, лошадей, денег и баранов… А к этому прибавим ковров, сушеных дынь и лисьих шкурок с пышными хвостами».
Выкуп, предлагаемый за ущерб, нанесенный эмиру Кумачу, султана вполне устраивал. Но он не мог так легко пойти на уступки. Вдавив руки в мягкое сиденье, Санджар помрачнел, он зажегся тем огненным чувством власти, которое одурманило его тогда на площади, во время казни сборщика податей Омара. Нет, султан не хотел примирения.
…Огузы всеми стойбищами уходили от противника в сторону диких гор. Остановились они только тогда, когда достигли ущелья, из которого некуда было отступать.
Вслед за ними к горам уже подтягивались войска Санджара. И все же последний день перед сражением огузы решили отпраздновать по обычаю своих предков.
В час, когда луна вышла из-за туч, было забито несколько сот молодых кобыл. На колья натянули желудки лошадей, в которые

наложили мясо. Вместо дров в огонь бросали очищенные от мяса кости.

Над темным длинным ущельем тянулись сизые дымки, ржали лошади, ревели дети. Почти у каждой юрты воины точили оружие, подгоняли снаряжение. Все знали, что наступает решающий день, и никто не мог угадать: как и чем он закончится?..

Юрта Онгона была большой и просторной. Ее задняя часть отделялась большим китайским покрывалом с огненными драконами. В сторонке, пригнувшись к коврам, сидела личная охрана. Справа и слева, у груды шелковых подушек, на которых возвышался бек, стояли дорогие светильники, изображавшие чудовищ с раскрытыми пастями. Пол был устлан дорогими коврами, сотканными огузскими женщинами. Стены юрты, от отверстия для дыма до пола, были завешаны разноцветными тканями, прикрепленными к основе юрты тонким золотым шнуром. У стен разложены подушки. Чем ближе к султану, тем ковры и подушки были лучше, дороже. За шатром, в огромном медном котле готовилась еда. Тут же рыли ямы, натягивали мешки из верблюжьих желудков, в которых мясо готовилось особым способом.

На тонконогих золотистых конях, украшенных дорогой сбруей, подъезжали родоначальники. Приближенные налету подхватывали повод и привязывали уздечки к передним ногам жеребцов. Пылкие, горячие кони, сверкая глазами, старались зубами дотянуться до конюхов. Царило оживление и суета.

Джавалдур прискакал к становищу бека с отрядом в два десятка человек. Не касаясь руками луки седла, он спрыгнул на землю и бросил повод Ягмуру. Конь поднялся на задние ноги и долго перебирал в воздухе легкими белыми копытами. Ягмур натянул повод, но конь не двинулся с места. Тогда джигит сильнее пришпорил свою лошадь, а серый жеребец Джавалдура еще, ниже присел на задние ноги, словно готовясь к прыжку.

Собравшиеся в сторонке старики улыбнулись. Напрасно Ягмур дергал за повод: конь замер на месте. Старики усмехались, а молодые пастухи широко показывали зубы, не скрывая веселого настроения.

Но это была только хитрость, подсказанная Джавалду-ром. И когда старики неодобрительно насупили брови и защелкали

языками, поглядывая в сторону старшего родом, Ягмур снова натянул повод и решительно двинулся на коня. Строптивый жеребец попятился. Потихоньку отпуская повод и не давая серому опустить на землю передние ноги, джигит подвел коня к коновязи. Это было редкое зрелище. Ягмур вызвал восторг у самых опытных наездников. Старики долго качали головами и поглаживали бороды, по достоинству оценивая сноровку воспитанника старого воииа Джавалдура.

Рад был за своего друга и Чепни, который послал Джавалдура в стойбище, а сам следил за последними приготовлениями к бою. Друзья крепко обнялись.

Серьезно и основательно бек готовился к совещанию. Он переоделся в железные доспехи, на голову надвинул стальной шлем с мелкой серебряной насечкой и тугим пучком павлиньих перьев, а переносицу покрывала широкая кованая лапа священной цапли. На плечи ему накинули шубу из бобрового меха (в стране огузов было много таких драгоценных шкурок, их вывозили в страны Рума и Кавказа). Но лучшим нарядом бека были лисьи шкурки золотистого цвета. Одна из них огнисто переливалась на шлеме.

Перед началом сбора два нукера в последний раз осмотрели бека, поправили на его плечах украшения и вышли из шатра, приглашая старшин родов занять свои места в юрте. Старики освободились от оружия, аккуратно развесив его на седлах. И по одному, прижимая руки к сердцу и губам, входили в просторную юрту, усаживаясь строго по старшинству.

Появилось нарезанное большими кусками, дымящееся, сдобренное приправами из высокогорных трав и дикого лука, мясо. Его подносили на деревянных блюдах молодые воины. Старшие ели молча, сладко чавкая, старательно облизывая пальцы, обмахивая цветными платками взмокшие лбы. Проворные воины, звеня саблями, клали перед каждым гостем на кожаных и глиняных блюдах мягкое, разварившееся мясо в выделанных верблюжьих желудках, испеченное в золе.

Остатки еды в больших медных казанах выносили оруженосцам, сопровождавшим старшин родов. Те, гордые оказанным вниманием, не торопясь, важно принимались за еду, стараясь сохранить

достоинство.
Лагерь гудел: пастухи и воины точили оружие, осматривали седла, кормили и поили лошадей.
Обстоятельства сложились так, что у огузов не было никакой надежды на победу. И все же кочевники, которых с трех сторон охватывали скалы, а с четвертой – противник, суеверно думали о спасении жизни.
Шатер Онгона стоял на сопке. Отсюда хорошо было видно ущелье, усеянное войлочными юртами. Воевода сидел на подушке, как в седле – ровно, легко, чуть откинув плечи. Величественным движением он снял шлем, давая всем понять, что в это тяжелое время забыты все ссоры и обиды, и что сегодняшний совет почти семейное мирное совещание.
Каждый из присутствующих обнажил бритую, удлиненную голову.
– Все ли в сборе? – вскинув голову, спросил Онгон. – Мы просим всевышнего осенить нас самым мудрым решением, – добавил он, протягивая руки к небу.
Все склонили головы, быстро шевеля губами.
– Сегодня все наши роды должны решить свою судьбу. Прошло двадцать дней с тех пор, как мы, оберегая жизнь и честь народа, уходим от врага. И видит небо, мы не виноваты в предстоящем кровопролитии…
Незаметно, почти у самой стены шатра в это время остановился дервиш абу Муслим. Он легко провел по шелковым струнам рукой и высоким, задушевным голосом затянул привольную степную песню. Переходя от места к месту, старик незаметно подошел к груде добра, уложенного в ковры… И стоило только ему проскользнуть в приоткрытый проход шатра, как знатные гости опустили чаши, ножи… Все затихли, раскачиваясь из стороны в сторону в такт песне.
А старик, прикрыв глаза и выше завернув правый рукав халата, напевал все громче. Он пел о хане вольных степняков – Огузе, который однажды, находясь на охоте, нашел золотой лук и три стрелы…
– Умные дети всегда должны слушать своих родителей. И до седин кланяться своим предкам, – так закончил певец свою воинственную, сердечную песню.

Многие из присутствующий на совете поняли тайный замысел певца. Понял это и Онгон.
А певец, вольный, как ветер, голосом сильным и звонким продолжал рассказывать о великом предке пастухов.
— Огуз-хан, найдя золотой лук, передал его старшим трем сыновьям, а стрелы — трем младшим сыновьям. Он приказал им, чтобы все племена, которые произойдут от сыновей, и потомки их составили правое крыло войска. Остальным — младшим, тем, кому дал хан Огуз стрелы и назвал их «Уч-ук», он поручал левое крыло… А так как правая рука выше, — пел старик, — то стрелы должны быть у лука посланниками. В каждую сторону лук направляет стрелы, свистом пугающие всех врагов наших. Летят золотые стрелы наших тюменей, и все двадцать четыре рода должны одерживать победы!..
— Эй, кто там! — крикнул Онгон. — Введите того, кто всколыхнул мое сердце.
Два телохранителя, осторожно подхватив под руки старика, почти внесли его в шатер и опустили перед ханом.
Старик низко опустил бритую, повязанную платком голову и прижал руку к сердцу.
— Какого ты рода? — спросил бек, подавая старцу чашу свежего кумыса.
— Я сын своего народа, мой господин. Моя мать — степь, отец — свободный ветер. А песни мне пели и передали табунщики, вскормленные молоком вольных кобылиц!..
— Не перепутал ли ты дороги, остановившись у ханского шатра?
— Все дороги ведут в священные дали загробной жизни, мой господин, — гордо ответил абу Муслим. — Гонимый вечным ветром поисков нового, я был там, где великий Джейхун разливается в широкий Оксиан (Оксиан — Аральское море). И пел песни огу-зам, сеющим ячмень и просо.
— Что не дает тебе, почтенный старец, покоя на этой просторной земле?
— Еще вчера в народе прошел слух, что на каменном взгорье, в шатре, где стоит знак Онгона, соберется совет мудрых, чтобы решить судьбу четырех тысяч огузских шатров. Послушай, абу Муслим, сказал я себе. Твои глаза видели много перед тем, как

надеть плащ дервиша. Тебя покрыла пыль тридцати государств, ты видел священные стены Каабы… Ты познал тайны зиндана султана султанов и сумел подобно мокрице ускользнуть из крепких рук палача, ища спасения среди вольных огузов.
— Ты посягал на жизнь сельджукида из Мерва?
— Нет, хотел чтобы восторжествовала истина. А к твоему шатру, мой господин, я пришел и спел песню, чтобы напомнить совету мудрых о величии наших славных дедов. И если я мог усилить в ваших сердцах стремление к победе, то считаю, что сегодняшний день был дарован нам самим аллахом!
Присутствующие заволновались, сверкнули клинки ножей.
— Смерть врагу!
— Смерть султану Санджару!
— Да придет к нам победа в завтрашнем сражении!
— Будем достойными своих предков!
В это время Джавалдур шепнул абу Муслиму:
— Если светлейший желает увидеть спасенного им юношу, нашего славного воина Ягмура, он найдет его на склоне холма, у коновязи.
Дервиш осторожно прополз между разгоряченными воинами и скрылся за тяжелым пологом шатра, где все яростнее раздавались боевые кличи и звенело боевое оружие. Taryhy proza